

O'Neill O. (1989) *Constructions of Reason. Explorations of Kant's Practical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

O'Neill O. (2003) The Inaugural Address: Autonomy: The Emperor's New Clothes. *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. Vol. 77, pp. 1–21.

O'Neill O. (1995) Autonomy: Dependence and Independence. In: Апресян Р.Г. (Ed.) *Morality and Rationality* (pp. 119–135). Moscow: RAS Institute of Philosophy Pub. (Russian translation).

Price R. (1948) *A Review of the Principal Questions in Morals* (D.D. Raphael, Ed.). Oxford: The Clarendon Press.

Schneewind J. (1998) *The Invention of Autonomy: The History of Modern Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Soloviev E.Y. (2005) *The Categorical Imperative of Morality and Law*. Moscow: Progress-Tradiciya (in Russian).

Wood A.W. (1999) *Kant's Ethical Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

Универсальность моральных требований и обязанности перед близкими людьми*

А.В. Прокофьев

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-103-113

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье предпринята попытка проследить истоки того противоречия, которое вызывает к жизни полемику о моральном статусе обязанностей перед близкими людьми (специальных обязанностей). Особенностью специальных обязанностей является то, что их порождает уникальная индивидуальная история деятеля, создающая разную дистанцию по отношению к разным реципиентам последствий его действий. Реципиенты, находящиеся на небольшой дистанции, являются для деятеля «своими», те, кто удален в большей мере, – «чужими». Разграничение «свои»/«чужие» формируется на основе симпатии (как в случае дружеских и любовных отношений), кровнородственных связей, принадлежности к культурным, территориальным, политическим сообществам. Специальные обязанности предполагают допустимость и обязательность предпочтительного отношения к «своим». Такое отношение неизбежно попадает под вопрос в связи с тем, что в обобщенных теоретических моделях морали моральные требования наделяются двумя взаимосвязанными свойствами: универсальностью и высокой степенью общности. Типичная моральная обязанность – это обязанность, которую имеет каждый человек по отношению к каждому человеку. Она не предполагает исключений в пользу «своих». Такие исключения тождественны пренебрежению общечеловеческим равенством и представляют собой недопустимую пристрастность. Однако для обладателей общераспространенных моральных представлений специальные обязанности являются неотъемлемой частью долга. Р. Гудин предположил, что они имеют приоритет в отношении позитивных общих обязанностей и уступают по силе негативным общим. Эмпирические исследования живого морального опыта, проанализированные в статье, подтверждают этот порядок приоритета, хотя и вносят в него некоторые коррективы. Так как этическая теория не может игнорировать фундаментальные особенности живого морального опыта, то перед ней стоит непростая задача совмещения равенства и беспристрастности с сопровождающим исполнением специальных обязанностей предпочтительным отношением к «своим».

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00068.

Ключевые слова: моральные требования, универсальность, высокая степень общности, беспристрастность, пристрастность, обязанности перед близкими людьми, психология морали.

Прокофьев Андрей Вячеславович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН.

avprok2006@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5015-8226>

Цитирование: Прокофьев А.В. (2018) Универсальность моральных требований и обязанности перед близкими людьми // Философские науки. 2018. № 11. С. 103–113.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-103-113

The Universality of Moral Requirements and Duties to Close Persons*

A.V. Prokofyev

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-103-113

Original research paper

Summary

The article traces origins of the contradiction that calls into being the polemics on the moral status of duties to close persons (special obligations). Special obligations are created by the unique life narrative of an actor that makes different recipients of her actions more or less distant. Those who are less distant are “one’s own people.” Those who are more distant are “strangers.” The basis of this distance can be different: individual sympathy, consanguinity, belonging to cultural, territorial and political communities. Special obligations presuppose that the preferential treatment of “one’s own people” is not only permissible but obligatory. This feature of moral duties to close persons makes moral philosophers suspicious because they are prone to endow moral requirements with two interrelated properties: universality and the high level of generality. The main reason for this is that the typical moral duty is a duty of every human being to another human being without any further qualifications. Against the background of such duties, any preference to close persons looks like the breach of moral equality and manifestation of impermissible partiality. Though, common moral beliefs persistently include special obligations in the whole system of moral duty. R. Goodin thinks that they have a priority over positive general duties and

*The paper has been developed within a project research “The Phenomenon of Moral Universality,” supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

yield to negative general duties. The empirical researches of moral evaluations reviewed in this article in general confirm this conclusion. The ethical theory cannot ignore fundamental features of common moral beliefs. That is why it is doomed to look for ways of reconciling the moral equality and impartiality with the preferential treatment of close persons embedded into special obligations.

Keywords: moral requirement, universality, high level of generality, impartiality, partiality, duties to close persons, moral psychology.

Andrey Prokofyev – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

avprok2006@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5015-8226>

Citation: Prokofyev A.V. (2018) The Universality of Moral Requirements and Duties to Close Persons. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 11, pp. 103–113.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-103-113

Введение: принципы применения моральных требований

В этической теории принято характеризовать моральные требования с помощью понятия «универсальность». Теоретики приходят к необходимости использования этого термина, отслеживая некоторые тенденции, которые глубоко укоренены в языке морали и внутренней логике моральной оценки. Мораль как ценностно-нормативная система сосредоточена вокруг представления о равном достоинстве каждого человека, которое порождает, с одной стороны, равную защищенность интересов и потребностей каждого, а с другой стороны – равную обязанность всех тех, кто способен к осознанию себя в качестве ответственного деятеля, осуществлять подобную защиту. Защита интересов и потребностей другого человека выражается в нанесении вреда, оказании помощи и осуществлении заботы. Данная установка присутствует в нравственных кодексах развитых религий, жизнеучениях знаменитых моралистов и светских социально-этических манифестах. Универсальность требований поддерживает ее на формально-функциональном уровне.

Требование является универсальным в том случае, если условия его применения предполагают, что имеется группа деятелей, обладающих определенными общими свойствами, и эти деятели в некоторых типичных ситуациях должны совершать поступки определенного рода. Так как моральную значимость имеют по преимуществу поступки, затрагивающие интересы других людей, то универсальность требования предполагает также наличие

группы реципиентов действия, которые равны между собой в отношении тех преимуществ и потерь, к которым ведет исполнение моральной обязанности (1). Смена реципиентов, входящих в эту группу, не должна влиять на характер обязательных действий. Деятель, относящийся к реципиентам избирательно, не проявляет вытекающей из универсальности требования беспристрастности (2).

Наряду с универсальностью, моральные требования характеризуются высокой степенью общности или, вернее, в морали действует сильная презумпция в пользу требований с высокой степенью общности. Это значит, что от моральных требований ожидается предельная широта того круга деятелей, к которым они обращены, и предельная широта того круга реципиентов, интересы которых затрагивает их исполнение. Парадигмальное моральное требование обращено к любому деятелю и регулирует его действия по отношению к любому реципиенту (таковы нормы Декалога, Заповедь любви, Золотое правило нравственности, положения Всеобщей декларации прав человека и т.д.) (3). Презумпция высокой степени общности является вторичным по отношению к универсальности свойством. Одним из его оснований является то, что менее общие требования могут маскировать различного рода пристрастность. В этой связи случаи неоправданного снижения общности требований, перехода с уровня «каждый человек по отношению к каждому человеку» на уровень ограниченных групп деятелей и реципиентов также называют проявлением пристрастности.

Под обвинение в пристрастности редко попадает такое поведение, в рамках которого разное отношение к потенциальным реципиентам должного действия определяется исключительно структурой сложившейся ситуации. Например, оказание помощи тому, кто больше других в ней нуждается, считается результатом беспристрастного применения предельно общего морального требования «помогай другим людям». Здесь не деятель произвольно выбирает того, кому он поможет, а обстоятельства складываются так, что некоторые люди с необходимостью превращаются в приоритетных реципиентов помощи. В то же время, если выбор реципиентов опирается на специфику индивидуальной истории деятеля, превращающей одних людей в более близких ему, чем другие, то его действия часто воспринимаются именно как проявление пристрастности, нечестного отношения к какой-то части реципиентов, забвения их равного морального статуса и т.д. Когда речь идет о «близости» деятеля и реципиента, имеются в виду разные факторы, создающие между ними особую связь, которой нет между деятелем и другими представителями человечества.

Это избирательные отношения дружбы и романтической любви, кровнородственные связи, единство культуры и религии, общая принадлежность к территориальным и политическим сообществам. Не каждый из этих факторов делает другого «близким» человеком в узком смысле этого слова, но каждый из них превращает одних людей в более близких, чем другие, создает границы между «своими» и «чужими», и эти границы могут рассматриваться как сомнительные в моральном отношении. Те нормативные теории, которые акцентируют универсальность и презумпцию высокой общности моральных требований, подозрительно относятся к приданию морального значения различным формам близости между людьми. Еще больше подозрений вызывает тенденция видеть в такой дифференциации реципиентов моральную обязанность (так называемую «специальную моральную обязанность»). Обязанности перед друзьями, любимыми, родственниками, соотечественниками и пр. неоднократно подвергались критике в истории этической мысли. Эта тенденция довольно ярко проявляется в утилитаризме, кантовской деонтологии и христианской агапической этике.

Самым бескомпромиссным выражением обсуждаемой критики стало широко известное рассуждение британского утилитариста XVIII в. У. Годвина. В своем «Исследовании о политической справедливости» он анализирует ситуацию, в которой у стороннего наблюдателя есть выбор между спасением из горящего дворца архиепископа Камбре служанки, которая является женой, матерью или благодетелем наблюдателя, и спасением Франсуа Фенелона, в голове которого в тот момент зарождается план бессмертной поэмы о Телемахе. Годвин уверен, что моральным долгом является спасение Фенелона, поскольку каждый должен содействовать выгоде тех тысяч людей, которых прочтение поэмы уберезет от ошибок, пороков и следующего за ними несчастья. Спасти свою мать вместо Фенелона означало бы пренебречь очевидным различием между ними, которое не может не заметить любой беспристрастный человек. «Какая магия, – спрашивает риторически У. Годвин, – содержится в местоимении “мой”, чтобы отменить решения вечной истины? Моя жена или мать могут оказаться дурами, проститутками, злоумышленниками, лгунями или бесчестными людьми. И если они таковы, какие последствия должно иметь то обстоятельство, что они мои?» [Godwin 1793, 83]. В этой связи в современной исследовательской литературе вопрос о совместимости беспристрастной морали и специальных обязанностей часто именуется вопросом о магии местоимения «мой».

Обязанности перед близкими людьми в живом моральном опыте

Хотя теоретический образ морали, в центре которого находятся беспристрастная благожелательность и беспристрастная честность, создает основания для сомнения в моральной оправданности предпочтительного отношения к близким людям, живой опыт моральной оценки без особенного сопротивления поддается магии местоимения «мой». С точки зрения обладателей общераспространенных моральных представлений специальные обязанности глубоко интегрированы в структуру нравственного долга. Они занимают в ней прочные позиции наряду с обязанностями, которые касаются любых людей (общими обязанностями). Опираясь на неформализованный анализ морального сознания, Д. Парфит предположил, что «обыденная и повседневная мораль состоит по большей части из... специальных обязанностей. Выполнение этих обязанностей имеет приоритет над помощью чужим людям. Этот приоритет не абсолютен. Я не должен спасти своего ребенка от пореза или получения синяка вместо того, чтобы спасти жизнь чужому человеку. Однако я обязан спасти своего ребенка от вреда некой тяжести, если альтернатива состоит в том, чтобы спасти чужого человека от несколько большего вреда» [Parfit 1984, 95]. Р. Гудин на той же методологической основе попытался создать более развернутую картину иерархизированных составляющих морального долга. Он использовал четырехчастную классификацию обязанностей, учитывающую не только различие между общим и специальным долгом, но и различие между долгом непричинения вреда и долгом оказания помощи. Она включает в себя: а) негативные общие обязанности; б) позитивные общие обязанности; в) негативные специальные обязанности; г) позитивные специальные обязанности. В живом моральном опыте, по мнению Р. Гудина, высшим приоритетом обладают обязанности общие и негативные (а). Вторую ступень совместно занимают негативные и позитивные специальные обязанности (в, г). Наконец, все виды обязанностей приоритетны в отношении обязанностей общих и позитивных (б) [Godin 1986, 16–23].

Существенный вклад в реконструкцию общераспространенных моральных представлений вносит их психологическое исследование. К настоящему моменту у психологов накопился значительный опыт изучения моральной категоризации предпочтительного отношения к близким людям. Этот опыт позволяет проверить обобщения философов. В одном из первых психологических исследований такого рода, сделанном во второй половине 1990-х гг. Х. Кюзе, М. Рикардом, Л. Кэннолдом, Дж. Ван Дайком и П. Сингером, был проанализирован вопрос об относительном

весе пристрастных и беспристрастных элементов в нравственных убеждениях медицинских работников. Трех сотням врачей и медицинских сестер был предложен опросник, касающийся гипотетических ситуаций-дилемм, в которых деятелю необходимо принять морально оправданное решение. Содержание опросника было связано с гипотетическим сюжетом выбора между помощью близкому человеку и лицу, которое имеет значительную ценность с беспристрастной точки зрения (судье, практикующему врачу, праведной монахине, гениальной спортсменке).

Так как в использованных дилеммах сталкиваются обязанности помощи, то на основе результатов этого исследования можно проверить только предположение Р. Гудина о приоритете позитивных специальных обязанностей над обязанностями позитивными и общими. К сожалению, они ничего не могут дать для подтверждения возможного приоритета негативных общих обязанностей над всеми остальными. Исследование показало, что в случае предотвращения серьезной угрозы и во внепрофессиональном контексте, то есть вне выполнения респондентами их врачебной функции, они приняли 89% пристрастных решений (решений в пользу помощи близкому человеку). В профессиональном контексте количество таких решений снизилось до 80%. По отношению к дилеммам с меньшим уровнем потенциальных потерь реципиентов сложилось иное распределение. В профессиональном контексте в 58% случаях респонденты проявили свою беспристрастность. Вне профессионального контекста 85% респондентов предпочли помочь близкому человеку [Khuse et al. 1997]. Это значит, что подавляющая часть участников эксперимента исходила из приоритета специальных позитивных обязанностей над позитивными и общими.

Самым развернутым на настоящий момент исследованием моральной оценки пристрастного и беспристрастного поведения являются недавние эксперименты Дж. Хьюз. Они сложнее эксперимента 1990-х гг. и учитывают различия в моральной оценке самих поступков и совершающей поступки личности, поскольку в ряде проводившихся в последнее десятилетие исследований было установлено, что такие оценки подчас существенно расходятся. Кроме того, Дж. Хьюз пыталась выявить не количество респондентов, которые действовали бы в предложенных им ситуациях пристрастно или беспристрастно, а относительную количественную оценку респондентами пристрастных и беспристрастных решений в предложенных исследователем ситуациях-дилеммах. Она использовала несколько отличающихся по своему моральному содержанию сценариев для того, чтобы выяснить, как люди реагируют на тот и другой вариант поведения. Задача

респондентов состояла не в том, чтобы определить какой-то один, правильный с их точки зрения поступок, а в том, чтобы соотнести между собой альтернативные варианты поведения, оценив их по семибалльной шкале.

В первой дилемме воображаемый деятель имел возможность выбрать между тем, чтобы провести день в обществе своей пожилой матери, чувствуя себя одиноко, или потратить этот день на волонтерскую работу в организации, занимающейся проектированием жилых домов для бедных семей. Во второй дилемме воспроизводилась годвиновская ситуация, в которой деятель (пожарный) имеет возможность спасти эффективного международного переговорщика-миротворца, собственную мать или своего друга. Третья дилемма была построена на основе известной задачи с трамваем (задачи с вагонеткой), в которой деятель, стоящий у стрелки, может направить неуправляемый трамвай,двигающийся в сторону пяти обездвиженных человек на колею, где находится один обездвиженный человек. В разных сценариях третьей дилеммы в качестве пятерых человек, находящихся на пути бесконтрольно перемещающегося трамвая, выступают незнакомцы или родственники того, кто стоит у стрелки, а в качестве одного человека, в сторону которого можно перенаправить угрозу – его супруга или незнакомец. В случае всех трех дилемм помощь близким людям и спасение близких людей получили существенное преимущество как в отношении морального качества действия, так и в отношении морального качества личности (одним из неоправдавшихся предположений Дж. Хьюз было как раз ожидание того, что высокая оценка личности, проявляющей пристрастность к близким, будет сопровождаться менее высокой оценкой ее поступков) [Hughes 2017].

Эти данные, как и результаты эксперимента 1990-х гг., подтверждают зафиксированный Р. Гудином приоритет позитивных специальных обязанностей над общими, но расходятся с выводами Х. Кюзе и ее соавторов о том, что во внепрофессиональном контексте роль беспристрастности возрастает в тех случаях, когда реципиенты не несут катастрофических потерь. Одновременно выводы исследования Дж. Хьюз противоречат той строгой иерархической схеме обязанностей, которая, по мнению Р. Гудина, существует в живом моральном опыте. Как показывает отклик респондентов на третью дилемму, они считают, что причинение ущерба незнакомцу для спасения нескольких родственников (то есть нарушение негативной общей обязанности ради исполнения позитивной и специальной) является лучшим выбором как в отношении самого действия, так и в отношении характера со-

вершающего его человека. Впрочем, для полноценной проверки однозначности приоритета негативных общих обязанностей над обязанностями позитивными и специальными потребовалось бы провести анализ откликов на несколько иные ситуации: а) не включающие такого фактора как разное количество лиц, несущих потери; б) предполагающие разную степень непосредственности причинения ущерба (4).

Заключение

Подводя итог можно сказать, что предпочтительное отношение к близким людям создает для этики довольно сложную проблему. С одной стороны, теоретики фиксируют такие свойства моральных требований как универсальность и высокая степень общности. Если отталкиваться от них, то предпочтительное внимание к интересам и потребностям друзей, любимых, родственников, соотечественников и т.д. вполне может рассматриваться как нарушение должной беспристрастности. С другой стороны, этическая теория неизбежно использует в качестве одного из своих оснований моральные представления «обычного человека» или «обычный человеческий рассудок» [Кант 1997, 91–93]. Она не может просто игнорировать моральные интуиции, хотя и может предпринимать попытки дискредитировать какие-то из них, в особенности если они противоречат основному массиву моральных убеждений и не сопровождаются абсолютной уверенностью (см. подробнее: [Прокофьев 2016]). Однако моральные обязанности перед близкими людьми имеют иной характер. Они являются неотъемлемым компонентом нормативной системы общераспространенной морали и имеют для «обычного человека» едва ли не аксиоматический характер. Отсюда следует, что убедительная моральная критика может быть направлена не на само по себе предпочтительное отношение к близким, а только на отдельные его проявления и аспекты (например, контекст или масштаб предпочтений).

Для того, чтобы такая критика могла развернуться, этическая теория должна оперировать правдоподобными объяснениями того, почему существование обязанностей перед близкими, немислимых без избирательного (пристрастного) отношения к отдельным людям, не создает неразрешимого противоречия с фундаментальной для морали ценностью равного достоинства всех людей. Другими словами, теоретикам надо найти аргументы, показывающие, что предпочтение интересов и потребностей близких: а) морально допустимо; б) морально обязательно. Поиск таких аргументов и стремление артикулировать их так, чтобы они соответствовали особенно-

стям разных типов близости между людьми, сформировали в последние десятилетия широкое дискуссионное пространство, в котором используются различные модели нормативной и теоретической этики. Однако, как показывает анализ современного стояния дел в этой сфере, исследователи далеки даже от приблизительного консенсуса. Наоборот, некоторые аргументы, казавшиеся ранее цельными и завершенными, дробятся на частные подходы и позиции, находящиеся в состоянии полемики между собой (5).

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Р.Г. Апресян описывает эти эффекты универсальности с помощью указания на два аспекта этического равенства: равенство перед моральным законом и равное достоинство личностей [Апресян 2016, 88].

(2) Существуют два понимания беспристрастности: узкое и широкое. При широком понимании этого термина деятель перестает быть беспристрастным, когда допускает неравное отношение к реципиентам по любым мотивам, в том числе по своевольному капризу. При узком понимании беспристрастность нарушается только тогда, когда одни реципиенты по каким-то причинам систематически получают преимущество над другими [Gert 2005, 132–133]. В данном случае я пользуюсь широким пониманием.

(3) Используемое мной значение терминов «универсальность» и «общность» предложено Р. Хэаром [Hare 1989, 51–54].

(4) В различных версиях задачи с трамваем (вагонеткой) непосредственность причинения ущерба различна (см.: [Эдмондс 2016, 239–241]). В использованной Дж. Хьюз классической версии она является наименьшей.

(5) Эту тенденцию ярко отражает недавняя книга С. Келлера «Пристрастность» [Keller 2013].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апресян 2016 – Апресян Р.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 79–88.

Кант 1997 – Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Кант И. Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–276.

Прокофьев 2016 – Прокофьев А.В. «Не упускай из виду интуиций...» (теоретические проблематизации интуитивных моральных суждений в современной этике) // Философский журнал. 2016. № 1(9). С. 146–163.

Эдмондс 2016 – Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Gert 2005 – Gert B. *Morality: Its Nature and Justification*. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

Goodwin 1793 – *Godwin W. An Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness*. Vol. 2. – London: G.G.J. Robins and J.R. Robins, 1793.

Hare 1989 – *Hare R.M. Essays in Ethical Theory*. – Oxford: Clarendon Press, 1989.

Hughes 2017 – *Hughes J.S. In a Moral Dilemma, Choose the One You Love: Impartial Actors Are Seen as Less Moral Than Partial Ones* // *British Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 56. No. 3. P. 561–577.

Keller 2013 – *Keller S. Partiality*. Princeton: Princeton University Press, 2013.

Kuhse et al. 2011 – *Kuhse H., Singer P., Rickard M., Cannold L., van Dyk J. Partial and Impartial Ethical Reasoning in Health Care Professionals* // *Journal of Medical Ethics*. 1997. Vol. 23. No. 4. P. 226–232.

Parfit 1984 – *Parfit D. Reasons and Persons*. – Oxford: Oxford University Press, 1984.

REFERENCES

Apressyan R. (2016) Fenomen Universalnosti v Etike: Formy Konceptualizacii [The Phenomenon of Universality in Ethics: Forms of Conceptualization]. *Voprosy Filosofii = Questions of Philosophy*. 2016. No. 8, pp. 79–88 (in Russian).

Edmonds D. (2016) Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us about Right and Wrong. Moscow: Instituta Gaidara Pub. (Russian translation).

Gert B. (2005) *Morality: Its Nature and Justification*. Oxford: Oxford University Press.

Godwin W. (1793) *An Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness*. Vol. 2. London: G.G.J. Robins and J.R. Robins.

Hare R.M. (1989) *Essays in Ethical Theory*. Oxford: The Clarendon Press.

Hughes J.S. (2017) In a Moral Dilemma, Choose the One You Love: Impartial Actors Are Seen as Less Moral Than Partial Ones. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 56, no 3, pp. 561–577.

Kant I. (1997) *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In: Kant I. *Works in 4 vols. In German and Russian*. (N. Motroschilova & B. Tuschling, Eds.) (Vol. 3, pp. 39–276). Moscow: Moscow Filosofskiy Fond (in German and Russian).

Keller S. (2013) *Partiality*. Princeton: Princeton University Press.

Kuhse H., Singer P., Rickard M., Cannold L., & van Dyk J. (1997) Partial and Impartial Ethical Reasoning in Health Care Professionals. *Journal of Medical Ethics*. Vol. 23, no. 4, pp. 226–232.

Parfit D. (1984) *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press.

Prokofyev A. (2016) Ne upuskai iz vidu intuitsii... (teoreticheskie problematizatsii intuitivnykh moral'nykh suzhdenii v sovremennoi etike) [Keep Your Eye on the Intuitions... (Theoretical Problematisations of Intuitive Moral Judgments in Contemporary Ethics)]. *Filosofskii zhurnal = The Philosophy Journal*. Vol. 9, no. 1, pp. 146–163 (in Russian).